

Дмитрий Соловьёв

Стихотворения
Христа

Дмитрий Игоревич Соловьев

Стихотворения Христа

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17196222
Стихотворения Христа: Издать Книгу; 2016

Аннотация

Стихи, простершиеся над гладью вод и земными просторами, через вечность истории и душевные устремления трепетной души. Время свивает свиток бессмертия души сквозь тишину прозрачных будней или через гармонию борьбы. Автор – житель планеты, солдат армии Христа – для него не существует границ и искусственных разделений, он одинаково трепетно чувствует и красоту родной земли, и прелесть Японии, Востока, Египта, Китая или Британии.

Тонкая, прозрачная лирика льется подобно светлому ручью в задумчивой грусти через благодать природы, в душевных терзаниях или в порыве борьбы, устремленной к бессмертию непостижимости поэтической тайны, звучит подобно журавлиному крику или тихому птичьему говору, оставляя читателю мгновения постижения вечности. Вновь смерть идёт по пятам к воскрешению в людской памяти. История и лирика природы дополняют друг друга для неспешного наслаждения чтением.

Поэт с легкостью переходит от стихов в традиционном европейском стиле к японским танка или элегиям, наполненным очарованием Востока или посвященным Петербургу. Сонеты, пасторели, стансы, песни – изощренный читатель найдет в книге стихи, ласкающие слух самого предвзятого поклонника стихотворного изыска.

Содержание

Германии	9
Автобиография	12
Из Хаяма	13
Из цикла «Задумчивая грусть»	24
Гора Фудзияма.	26
Японка	28
Японии	30
Сады Сучжоу	33
К Ду Фу	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Соловьев

Стихотворения Христа

*Если бы Господь жил, он написал бы именно
такие стихи.*

Посвящается маме.

Мне у ног бы сидеть твоих, Господи,
Задыхаясь, слезами боля:

Мне у ног бы сидеть твоих, Господи,
Рану слов мне собой бередея.

И иных и не надо мне радостей,
Только видеть, Господь, мне тебя
И молитву звучную петь тебе,
Пред тобой на коленях моля.

Ты прости этот мир, и нас грешных в нём,
Все мы любим, мы любим тебя,
Вот о чём и хотел и просить тебя,
Пред тобой на коленях моля.

Быть с тобою, и видеть тебя,
Как ты рад, или сердцем моля,
И иных и не надо мне радостей,
И осанна, теперь мне твоя.

Не предавай значения этих слов,
Здесь каждый камень о бессмертье точит.
Здесь каждый вздох о гибели пророчит,
Не говоря о нём ненужных слов.

* * *

Я храню тебя, Нотр-Дамский собор,

И сплетенье коленей вплетаю в узор.
Но не криком, не словом, молчанье приму
И тебя не отдам, никому, никому.
А под шорох и шёпот заснеженных вех
Там, где судьбы вломились устами у всех,
Я тебя никогда не приму, не прощу,
Отойди, отойди, отойди в старину.

Германии

Бессмертья своего не заслужил,
А смертным нам не долго оставаться.
Кого же ты любил, кого простил?
А смерть придёт – и надо расставаться.
И не успел из чаши ты испить
Полынной, горькой, сладостной отравы,
И не успел познать, зачем ты жил,
В обманной сытости всегда мы пьяны.
В суровой чистоте вдоль Рейнских берегов
Твоей суровостью, Германия, утешен.
Но буду я когда-нибудь воскрешен
Иль прах мой отойдёт к наследию веков.
Прощения не просишь никогда,
Из глубины, Господь, к тебе взываю.
Здесь Рейн течёт, прозрачная вода,
И чистота небес, от края и до края.

Посвящается моему брату –

Соловьёву Михаилу

И прощает мне брат мой и Кёльн, и Париж.
И простил мне долги, от которых не спишь.
Ничего, ничего, не простил я себя,
Что не дал ничего, чего нет у меня.
Не простил я те ночи, что лежал я в бреду,
Не простил я людей, что не верят в мечту.
Но по глади воздушной, по небу скользя,
Не простил, не простил, не простил я себя.
И мгновенья пройдут, и ночи, века,
Только я не меняюсь нигде, никогда.
И зачем мне и Лондон, и Кёльн, и Париж.
Если в нашей квартире ты тихо не спишь.
В суровой скупости бессмысленных словес
Прости, мой друг, я не могу иначе,
Оплакиваю тех, кто ныне плачет
И кто страданиями сам в себе воскрес.

* * *

В суровом ребячестве Верлена
Остановись, мгновенье, ты прекрасно.
Французский выговор и шёпот лёгких струй
Поют о жизни ежечасно.
Но не дано тебе постичь слова
А только шёпот их, в движении, в звуке,

Французский выговор и шёпот лёгких струй,
И не в движении их, а в муке.

* * *

Прощаю юности ошибки,
Прощаю юности мечты.
И я зову тебя, как прежде,
Во славу дня и красоты.
Но тайный есть предел страданий,
Нам не дано его постичь,
В небрежном отзвуке мечтаний
Иди, в сомнении борись.
И вечность уж звала меня туда,
Пленила слепотой небесных кудрей,
Но дороги мне Рим и Кёльн, Москва,
И тишина прозрачных будней.
И чем прозрачней лес на берегу реки,
Но стерегу мгновенья эту вечность,
Не подходи – проходящая беспечность
Ты не готов к служению естества.

Автобиография

В пленительном узоре чистых крыл
Ты серафимом был, а ангелом остался,
Прощение своё ты заслужил
И ничего на свете не боялся.
И так прожита жизнь,
Как птицы у окна,
Как журавлиный крик в покорной стае.
Прощение своё ты заслужил,
А уж прощён,
То это лишь
Едва ли.

* * *

И церкви, Лаодикийской напиши.
Господь среди людей был безутешен
И был распят, и снова был воскрешен,
И в мир снова пришёл, чтобы спасти.

Из Хаяма

Путник, остановись на время,
Больше мы останавливаться не сможем.

Я опьянел от тяжести веков,
Которые давят мне на плечи,
Чужой язык других чужих наречий
Запомнил я. Прости меня.

Забудь.
Я к этой тяжести в сомненье не привык,
Но сомневаться буду непрестанно.
И совести взлохмаченный язык
Не только тяжело, но и порою странно.
Ну, а сомненье время победить
Даёшь мне ты, тобою я прощаю,
И вечности дарами обещаю,
Что краткий миг и сон
Не наяву.

* * *

Волна находит на волну

И отдаётся в берег дальний.
В час незабвенный, в час печальный
Непостижимо я живу.
И не дано понять слова,
А лишь движенья их и звуки.
Храни протянутые руки
И отдавай свой нищим кров.
Узнаешь свет, познаешь мир,
Кумир крылатый собеседник,
Ты не напрасен был наследник,
Душа нацелена в эфир.

* * *

Сии живые сны,
Сии живые воды.
Не правду говорил
Под камнем свободы,
Какую Бог нам дал,
А дал нам никакую.
Ни прямо не пойдёшь,
Ни косо, ни вкривую.
О западе ни речь,
А речь о покаянье
Молитвой вознесись
Не спрашивай в молчаньи.

* * *

Грустна осенняя природы благодать,
И воздух чист и свеж, и напоён прохладой.
Задумчиво стоит покорный лес,
И ничего мне на Земле не надо.
А в сумерках, когда нисходит тень,
Таинственная тень ночных видений,
О Господи! Услышь мои моленья,
И дай к ногам Христа покорно пасть.
Умираньем своим умираем, умрём, умерли,
Из забвения вечность пребудем, пребудем распяты,
Воскресимся, и вновь смерть идёт по пятам,
Подгоняя нас снова и снова работой солдатом.
Птицы звонко поют или плачет небесная синь,
Преходящи поля, города, страны эти.
Преходящее всё, даже тихая синь на паркете,
И молитвой своей вознесись, вознесись, вознесись.

* * *

На небесах, в неволе дальней
Я постигал значенья речи суши.

Но к языку другому я привык,
Напевным сладостным молитвам.
Они баюкали меня с детства,
Напевая мне о горах, долинах, царствах, реках, долах.
Лишь их напевы слушал я украдкой
И уносился мыслями к покою,
Гармонии, читатель, детской, ясной.
Я много требовал, давал ещё больше.
Поэзия будила беспрестанно,
И я мужал и вырос ей одною.

Не шум времён,
Не ветра жёлтый ток,
Ничто, ничто судьбы не перемножит,
И вечности забвенья не сотрёт,
Пока он царствует иль может.

* * *

*Только Сыну Человеческому негде преклонить голову.
Новый Завет*

И я, пустынный раб пустынной сей Земли,
Которому и время непричастно,
Быть может, это мне опасно,
Опять хочу приют себе найти.
И из окна мне даль моя видна,

Которая зовётся мне тюрьмою,
И я пишу свободною рукою,
Пишу в скрижалях эти письма.

* * *

И ты, поместья мирного незримый посетитель,
Ты посетил меня в те роковые дни,
Когда во тьме веков валялся я в крови,
И тихая печаль моя обитель.
Неправдой пел мне голос в забыти.

Египет пал, а Сирия жива.
Не познаётся вечность в скорбной муке.
Египет пал, а Сирия жива.
Седых страниц веков протянуты мне руки,
Где плодородный Нил течёт, ряд грозных пирамид
В былом величии оставленным потомствам.
Египет жив, а Сирия пала,
Насмешка над судьбой отравленного солнца.

* * *

Ах, это ты, пленительный Восток.

Приветствую тебя, ты мало изменился.
Всё так же куришь, пьёшь, Корана почитатель,
Аллах во всём, разлит, как солнце по земле.
Кого ты познаёшь, живёшь только собой,
И шаг, а кровь течёт уж по пескам.
Песок, он вечен, значит, кровь вечна.
Когда же отдохнёшь в кровавой бойне,
Иль кровь то не песок, а просто так, вода.
Прошли века, постигнуть не сумел ты,
Что значит жить, любить и просто верить счастьем.
От крови запаха уже ты пьяный,
А хочется ещё, ещё, ещё.
Не напоён ты будешь, остановлен.
Гармонии не дал ты никому,
А кровь не новость там, мы все солдаты,
Мы все солдаты армии Христа.

Сорвал ли розы лепесток,
Ты спрячь его украдкой.
Хоть путь и долог, и далёк,
Трепещет розы сладкой.
И в память нам с тобой о нём
В разлуке – не разлучима,
Как лес стоит во тьме ночной,
И видятся изгибы.

Роза цветёт,
Роза цветёт.
Пахнет ли ландышем или левкоем,
Мирра, очерчена нежной рукою,
Роза цветёт,
Роза цветёт.
Роза цветёт,
Роза цветёт.
Миг – и сон краткий.
Нежный ребёнок,
Добрый и ласковый, как поросёнок.
Роза цветёт,
Роза цветёт.

В царстве розы и сомненья
Ты приди, приди, приди!
Соловей поёт о розе, я пою же о любви.
В дрёме царственных фонтанов, или движении небесных
струй
Я сорву (иль нет?) украдкой
Нежный, робкий поцелуй
Не кичися громкой славой, ты, безумец, поспеши,
В неге сладостных фонтанов утешения ищи.
И пьянящим ароматом напои себя до дна,

Чтобы сладостных фонтанов в них гармония жила.

* * *

Поёт ли в роще соловей
В ночи тенистой и прекрасной,
Всё тот же он – его судьбы
Не тронет бурь порыв напрасный.

* * *

Соловей поёт украдкой,
Он любовникам не мил.
Я сжигаю без остатка
Ту, которую любил.
Ты гори, ты вздуйся, пламя
Опалённое ресниц,
Пред тобой, как пред Аллахом,
Падаю покорно ниц.

Руку к сердцу прижимаю,
Ты гори, гори сердца.
Пьянства аромат вкушаю,
Полн тобою до конца.

И небрежность тонких талий
Спьяну я в тебе узрел.
Аромат души миндалий,
Аромат души поспел.

* * *

Жасминный куст расцвёл,
И роза расцвела,
И время передо мной свивает свиток.
Забвение, любовный сей напиток,
К твоею горечи я ли не привык?

* * *

Никогда это не будет,
Чаша выпита до дна,
И дворцов небесных струи
Наполняют допьяна.
А в пьянящем аромате
Не встречали вы зарю?
Розе сладостной внимаю,
Языком сердца говорю.
Небосклон покрыли звёзды,

Нет, веселью не конец.
Здесь и в каждом муэдзине
Просыпается мудрец.

Долго я внимал Корану
И читал Гафиза о любви
В пылу сладостных фонтанов
И волнения зари.
А прощения наследство
Мною выпито давно.
И вино – прекрасно средство,
Если милой всё равно.
Отойдёт и отвернётся.
Нет прощения любви.
Но одно я знаю средство,
Тишиною покори.

* * *

В час ли утренний молитвы
Слово ласково скажи:
Ветры, ветры, мои ветры,
Унеси ты, унеси.
Час намаза уготован,
И не каждому сполна.
Лишь одной только молитвой

Я решу свои дела.
Ты не тронь мою влюблённость,
Щеки ярче, чем ланит.
Про тебя, моя влюблённость,
Везде каждый говорит.
И небрежную чадрую
Покрывай глаза, мой друг,
Чтобы тайные желанья выдавались за испуг.

Не видала ль ты ту розу,
Чтоб к губам коснулась ты.
Не жалею я ту розу,
Я ломаю, рву цветы.
Лучше пьяным ароматом
Мне забыться навсегда,
Чем смотреть в глаза украдкой,
Что вчера сказали «да».
И сомнения некстати,
Ты вся выпита до дна.
Здесь, в пленительном молчанье,
Зарождается гроза.

Из цикла «Задумчивая грусть»

Грустно и больно, сакура, пришёл твой черёд,
И птицы опали твои морозной листвою.
И мнится, вечерней на лодке плывёшь по реке ты порою,
И так же кровавою смертью подбит золотой небосвод.
На камнях твоих не исписана дланью рука,
В молитвах твоих неземною я прельщусь красотою.
Какая же кровь по камням струилась всегда,
В каком же ручье я умоюсь холодной водою.
И чудится мне, не прельщает меня, всё не то,
В борьбе ли постигнем гармонию, в радостной жизни.
Бессмертны мы оба пред этим величием гор,
Бессмертны мы оба и верим, и верим отчизне.

Я прислонился к сакуре и уснул.
Она сказала мне, что ей холодно зимой.

Гора Фудзияма.

Гора Фудзияма,
Ты высока, холодна.
Снег лежит на твоих вершинах.
Но эта встреча оставит память в сердцах людей,
И растопит вершины.
И будет любовь в мире.
И будут звонко смеяться дети,
И трава будет расти в росе.

* * *

Птицы замерли от дождя
И намочили крылья.
И капли с них
Умыли меня прохладой.
О, осень, повремени!
Дай мне насладиться
Твоей беззащитностью.

Пленительная свежесть стиха
Достигается долгими молитвами.
О чём молчит соловей, когда не поёт,

Не это ли он хочет сказать нам своей песней?

Японка

Нежность нежностью обвита,
По лицу струятся слёзы,
А белее света лика,
То белее, чем берёзы.
И задумчивости нежной
Тонких черт лица и руки.
Соловей в лесу украдкой
Мне поведал о разлуке.

Мне под окнами прилетает соловей,
И ни бури, ни грозы не тревожат его.
О чём он поёт?
Об измене любимой?
Как я душою с тобой, соловей!

Японии

Где солнце восходит, туда, на восток,
Туда я стремлюсь, хоть путь мой далек.
Услышишь ли сердца тревожного стук
И будешь встречать ли ты нас, о мой друг.
И так же всё снова: каноэ, река,
И так же плывут надо мною облака.
По речке желаний плыву на ладье,
И всё мимолётно – на встрече судьбе
Увижу украдкой я горы порой.
Лишь ветер играет моею судьбой.
И так же всё тихо: каноэ, река,
И снова плывут надо мной облака.

Я увидел фигурку лентяя
(толстого, любопытного человечка-поросёнка).
А он рассказал о Японии,
Где время навсегда остановилось,
Где горы так же вечны, как вода,
И чисты, как слеза ребёнка,
Слеза радости, а не горя.
Когда радуешься, то можно плакать от счастья.
Какие вы всё ещё дети,
Не знаете подобных истин.
Они важнее всего,

На них строится жизнь,
Безбрежная песнь стиха,
Ты, даль туманная, чиста.

* * *

Мгновеньем застыв у величия гор,
Раскинула осень свой пёстрый шатёр.
О, как одинок я стою на краю.
В былом ли величии я песни пою.
Всё тихо, лишь осень порою пришла
И в даль увела, что манит меня,
И звёзды сияют одни в вышине,
О старом напомнив мне и тебе.
Как грустная осень твой гордый наряд,
И капли дождя ли в тумане висят.
Забыв о величии, гордые мы
Смущённо стоим у разбитой скалы.

Веками не тронуты величия гор.
Раскинула осень свой пёстрый шатёр.
На эти века ты украдкой взгляни,
Не видишь ли нашу судьбу впереди?

Шума плеск весла о воду.
Как грустна эта осень,
И цветы, что плывут по воде,
Они напоминают мне о прошлом,
О тех местах, где я счастливо родился.
Не знал ни горя, ни бед.
И ты, маленькая птичка,
Ты приветствуешь своим пением
Одинокого, больного странника.
Я счастлив слышать тебя,
Хоть ты и прячешься от меня,
И слышать твоё пение,
Пение маленькой птички
На сем бесконечном, далёком океане пространства,
На бесконечной длани далёких гор.

Сады Сучжоу

Острые языки загорелись на дереве.
Это весна радует нас своим приветствием.
Как всё красиво кругом!
Вода прозрачна, как небеса,
Отражая собой земную явь.
В тех местах я родился и жил.
О, память о прошедшем, повремени!
Дай мне насладиться тобой.
Я уже не буду сидеть здесь
И думать о детстве.
Всё меняется, переменчив и я.
Лишь время не меняет это место.
Как и две тысячи лет назад,
Всё так же весна, небеса, сакура
И тишина над водами.

* * *

Вода изумрудным цветом блестит бережно.
Около берега снуют золотые рыбки.
Им весело, и они затеяли игру.
Глупые мальчишки!

Как хорошо им в пруду.
А пруд под сенью густых деревьев.
И всё свежо, зелено и молодо
Это напоминают мне мою мятежную молодость

* * *

Капли росы
Звонят по ветру.
О прекрасная – ты,
С тобой я умру.

* * *

Как камень брошен в воду,
Круги по воде идут,
Так я, усталый путник,
Ищу себе приют.
И верю, я храним
Серебряной звездой,
И ты, усталый друг,
Найдёшь себе покой.

* * *

На небесах белесая луна,
Весь дивный свод собой озарена.
Но чистых вод струя
Не вычерпает влагою до дна.

Я вижу – трепещущих рыбок в воде.
Это они волнуются о своей судьбе,
Что им судьба пошлёт завтра невзначай.
Сегодня я воде трепещу – и радость через край!

* * *

И там, в туманном перелеске,
Тогда мы верить не могли,
Мечтою слово отзовётся,
Дыханье спящее Земли.

* * *

Уже вишни в цвету.
По Земле я брожу одинокий.

* * *

Плеск весла о воду.
Как грустна эта осень!

* * *

Одиноко кукует кукушка,
Свой полёт над водой провожая.
Сорвал ли розы лепесток,
Мой друг, и ты не одинок!

К Ду Фу

Всю жизнь прожил,
Как чистое стекло.
Коль смерть придёт,
Не побоюсь её.
В эпоху романственных стихов
Тебе ль, Китай, гармонии учиться.
И скупость, краткость фраз короткое дыхание.
Любовью неземной покрыты твои горы.
Я о поэзии Китая говорю.
Каков Китай, таков поэт и в нём.
О радуге небесной благодати,
О радости, о смехе мальчугана.

* * *

Опять, Восток, меня ты упокоил,
Опять в тебе гармонию ищу
Спокойным духом, я ли не достоин
Услышать музыку твою.
Твои кремнисты водопады,
Твои зелёные луга,
И странствий царственная прихоть,

И власти твёрдая рука.

Тиха задумчивая грусть,
И небосклон не так уж ярок,
Тобою сделанный подарок,
К тебе я больше не вернусь.
Я не вернусь в твои года,
Раскиданные тысячелетья.
Поэту помнится о смерти,
О ней нам помнятся всегда.
Я не боюсь твоей мечты,
Твоё сиянье и покорность,
Какую же ещё тлетворность
Непостижимость высоты.

* * *

Небесной синевой, так длинны,
Твои дворцы всегда старинны.
И не земная благодать,
И розы, чтоб благоухать.
Вот что я увидел на картине.
Крик журавля в дали пустынной,
Тебя, Китай, мне не понять.
К тебе вернусь я вновь опять.

И издалёка ли Китай
Послал своё мне приглашение,
Тому ли было бы сомненье,
Так, между прочим, невзначай.
Тебя приветствую, Китай!
Твоё я приглашенье принял.
Быть может, я кого обидел,
Прошу прощения, мой край.
Где небеса твои бездонны
И тишиной стоят стозвонной.
Пройдут ли прошлого года,
Нет, их я не забуду никогда.
Твоим величием, и скипетр державный
Ты преподнёс, собою равный.
Пройдут ли прошлого года,
Нет, я их не забуду никогда.

* * *

Какие небеса не тленны,
И жизнь, поэзией смиренна,
И в мире сем такая тишина,
Была во мне гармония жива.
И снова кровь кипит, и вновь душой я молод.
Меня не победит и тайной жизни холод.
И радостно встречаю я тебя,

Была во мне гармония жива.

И небом покрыты зелёные озёры,
На них чинно величьем – сакура цветёт.
Своей золотистой порой увяданья
И время не в счёт, и дорога не в счёт.
Здесь путник с оглядкою смотрит на небо,
Оно отражается в воздухе вод.
И мысль глубока, широка, беспредельна,
И, кажется, воздуху время не в счёт.
Лишь осень окрасит дерев позолотой,
И так тишина, что с величием схож.
Под нами Земля, над нами полмира,
И только верхушками золотится дождь.
Застыли озёра своей синевою,
И миг – их тайну поди разгадай.
Берёзовы листья красны как пожары,
И слышится, чудится дивный сей край.
Везде тишина, тишина и покойно,
Лазурь лишь небес воровата для всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.